

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Владимир Горбунов*

DOI 10.24833/2073-8420-2026-1-78-166-177

***Введение.** В статье исследуется взаимосвязь исторической памяти и вопроса обеспечения государственного суверенитета. Предмет исследования – международные и внутригосударственные правовые акты, социально-философские концепции и политико-правовые доктрины, а также такие социальные и правовые категории как историческая память, социальная память, историческая школа права, процесс принятия государственных, стратегических решений. Цель исследования – выявить роль института исторической памяти в обеспечении государственного суверенитета, в том числе в процессе принятия стратегических решений и управлении государством.*

***Материалы и методы.** В статье исследовались работы отечественных и зарубежных авторов. Особый акцент делался на материалах, имеющих значительную давность издания, так как содержащаяся в них информация позволяет соотнести её с историческими событиями и оценить её точность. Особый интерес представляет собой учебная литература по международному публичному праву, поскольку она оказывала наибольшее влияние. Применялись материалы смежных с юриспруденцией наук – философия, дипломатия, политология, общая теория управления. Методологическую основу составили следующие общенаучные и специальные методы: дескриптивный, исторический, системного анализа, сравнения, моделирования, научной индукции.*

***Результаты исследования.** Настоящее исследование дало определение института исторической памяти и государственного суверенитета; обосновало их значение для процесса государственного управления информацией, обеспечения долговременной способности государства принимать и исполнять свои решения, учитывать стратегические риски, возможности и сохранять свою конкурентоспособность на международной арене, а также доказало необходимость их защиты политическими и юридическими методами.*

* **Горбунов Владимир Евгеньевич**, аспирант кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: veg.post@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-9835-7343

***Обсуждение и заключение.** Процессы функционирования государств и международных отношений характеризуются практической неизменностью своих основных участников, длительностью и субъективностью. Это обуславливает необходимость на постоянной основе обеспечивать государственную систему управления информацией как о своих, так о сторонних интересах, рисках, возможностях как на уровне правореализации, так и на уровне правоприменения. Данная способность государства неотделима от института государственного суверенитета. Каждое государство в указанных целях самостоятельно с учётом своей специфики создаёт соответствующий центр компетенций и знаний. Институту исторической памяти более всего присущи вышеуказанные функции, что делает его необходимым инструментом для обеспечения процесса государственного управления и государственного суверенитета.*

Введение

Исследование взаимосвязи процесса обеспечения и сохранения института государственного суверенитета с таким социальным явлением как историческая память для отечественной школы международного публичного права является новым направлением деятельности.

Отсутствие единого общепризнанного устоявшегося понятия государственного суверенитета в международном публичном праве, особенности правовых систем участников международного общения придаёт особую сложность для настоящего исследования. Например, Конституция России, многократно подчёркивает необходимость защиты суверенитета. Конституция Китая говорит только о необходимости уважения суверенитета как одного из своих принципов внешней политики. Франция, Германия и Италия в результате поправок в свои конституции допустили «передачу суверенных прав» во вне. Конституция США не применяет термин «суверенитет» и его производные. Англия имеет такое конституционное право, что по определению А.В. Дайси надо ещё «определить природу и пределы английского конституционного права» [4. С. 8]. В результате есть все основания считать, что участники международных отношений придерживаются принципиально разных точек зрения на вопрос сохранения суверенитета.

Не меньшую сложность представляет тот факт, что отечественная школа права несколько раз кардинально изменила своё видение содержания государственного суверенитета, а её советский период начался

с провозглашения доктрины о стремлении к полному отмиранию институтов государства и права, что не могло не сказаться на теме исследования и учитывалось Западом [3. С. 177].

Действительность доказала, что риски скрытого и прямого вмешательства в дела государств не уменьшаются, а современное международное публичное право скорее обеспечивает процесс трансформации понятия государственного суверенитета, чем обеспечивает его сохранность как универсальной ценности [2]. Официальной вехой, обозначающей признание указанных рисков и конфликта интересов, является принятие Концепции внешней политики России, утверждённой Указом Президента России № 229 от 31.03.2023.

Таким образом, в целях настоящей работы принимаются в качестве исходного следующие утверждения. В той мере, в которой государственный суверенитет относится к правовой системе государства, а право участвует в процессе управления обществом, то в той же мере он связан с процессом государственного управления и принятия, исполнения соответствующих решений, то есть по своей природе и функционалу относится к сфере менеджмента. Это объясняет ценность института государственного суверенитета и необходимость его сохранения, а также позволяет определять его как характеристику (состояние) комплекса высших исключительных прав государства, в совокупности обеспечивающих в целях сохранения, безопасности, конкурентоспособности и благополучия своих граждан принятие им самостоятельных решений и фактической способности обеспечить достижение надлежащего состояния общества на всей

своей территории, в том числе неограниченные никем права участия в международных отношениях и заключения равноправных и взаимовыгодных международных соглашений.

Учитывая, что вопрос о содержании, ценности государственного суверенитета не смотря на свою многовековую историю является предметом спора в международном праве, то это ставит под сомнение результативность подходов к решению данного вопроса. Можно признать, что без предварительного формирования самостоятельной концепции о государственном суверенитете, её внедрении и защиты на примере своего государства невозможно добиться ни его соблюдения мировым сообществом, ни признания её результативной и универсальной в международном публичном праве.

Теория менеджмента выделяет этапы принятия решения от определения цели до корректировки промежуточных результатов и полного достижения цели, в том числе устанавливает следующие элементы процесса принятия государственных решений: цели, окружение, участники, а также содержание, методы, ограничения и риски [11. С. 11]. При практической неизменности первых трёх в сфере государственного управления и международных отношений оставшиеся четыре являются переменными, что делает особо необходимыми этапы контроля, оценки исполнения и разработки корректирующих действий. Это обуславливает необходимость сохранения информации о самом факте принятия решения и изначальных целях и задачах. Без этого невозможно выявление причин, вызывающих отклонения, прогнозирование рисков, возможностей и будущего состояния, подготовку мер корректирующего воздействия, то есть осуществление надлежащего руководства и управления [11. С. 190].

Изложенное позволяет утверждать, что надлежащее функционирование института государственного суверенитета неотделимо от способности государства в долгосрочной перспективе обеспечить процесс сохранения и преемственности знаний о своих истинных интересах, рисках и возможностях, а также обеспечить управление целостной, непрерывной информацией для принятия адекватных им своевременных государственных решений, в том числе при стратегическом и оперативном целеполагании, прогнозировании, планировании, контроле. Причём, сохранение

информации не в соответствии со знаниями и мнением разных лиц, а управление ей как неотъемлемым неделимым элементом государственной долговременной политики и процесса государственного управления при обязательном наличии «владельца бизнес-процесса».

В результате неизбежно возникает вопрос о необходимости существования в государственной системе управления механизма, который будет способен надлежащим образом осуществлять вышеуказанный функционал. Основной целью данной работы и является поиск соответствующего социального и правового явления, природа которого позволяет выполнять указанный функционал, в том числе обеспечивать государственный суверенитет.

Исследование

Долговременность и субъективность как основные характеристики функционирования государства и международного права

Большая часть современных государств исчисляют историю своей государственности на протяжении более пятисот лет. История народов как правило исчисляется многими веками, а их соседство, интересы, культура и взаимное восприятие практически никогда не меняется. История, события в мире последних сорока с лишним лет не позволяют согласиться с тем, что в сфере отношений между государствами и народами происходит что-то принципиально новое. Более того, нет государств или народов, которые планируют прервать своё существование.

Общая теория государственного права, международное публичное право и иные методы социальной регуляции, формирующие в своей совокупности понятие правовой системы и государственной системы управления, неотделимы от таких «вечных» категорий как «обычай», «религия», «преемственность государств», «принцип бессрочной необходимости добросовестного выполнения принятых на себя обязательств» (*pacta sunt servanda*).

Кроме того, нельзя не признать фактор краткосрочности общественной памяти и основанных на ней соглашений, на что в своё время указывал Дж. Ст. Милль, который считал, что действие политических (международных) норм могут иметь свою действительную силу только на протяжении жизни одного поколения (о чём предупреждал нас

Ф.Ф. Мартенс в восьмидесятих годах девятнадцатого века)¹. Было подсчитано, что из известных международному публичному праву 7 500 договоров, заключённых на «вечные времена» между 1500 годом до нашей эры и 1850 годом нашей эры, каждый в среднем оставался в силе в течение двух лет².

Сомнительна сама возможность сохранения объективного знания о существующих международных соглашениях, их силе, истинных и формальных целях, а также их едином толковании и исполнении участниками. Ещё Мартенс по поручению МИДа посвятил большую часть своей жизни сбору информации о международных договорах России, составив в 15ти томах Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами с 17 по 20 столетие. По сведениям, предоставляемым в разное время И.И. Лукашук³ и Б.Р. Тузмухамедовым⁴ Россия является участницей порядка 10 000 международных договоров. Интернет-портал правовой информации предоставляет Список опубликованных правовых актов (Международные договоры Российской Федерации) о 2 142 документах⁵. Кроме того, есть сведения о том, что в наше время в мире всего насчитывается порядка 500 000 международных договоров⁶.

Долговременность функционирования государства и международных отношений, и в первую очередь множественность поколений акторов, сложность долговременного сохранения информации делает существенным фактором способность правовых школ разных государств обеспечить управление информацией и исполнение принятых решений в историческом горизонте, в том числе сохранение и защиту своей точки зрения.

Берман определяет, что право функционирует в четырёх временных и моральных измерениях (источниках) – законодательство (направлено на будущее), прецедент (на прошлое), обычай (на внешние социальные шаблоны и нормы поведения), справедливость (направлена на внутренне чувство

совести или объективности). Но разные правовые системы по-разному делают акцент на то или иное из этих измерений [1. С. 466]. Англо-американская правовая школа неотделима от изучения истории права, философии права, социологии права и неотъемлема от применения политологии, экономики, социологии [1. С. 5, 9, 11, 12]. В силу этого её представители изначально при аргументации своих решений воспринимают как равнозначные части единого процесса события многовековой давности, текущую ситуацию и необходимость обеспечить последовательность правовых норм и решений, преемственность во времени, опирающуюся на авторитет прошлого; а также со студенческой скамьи отработывают методы и навыки диалектического рассуждения и сопоставления, оценки противоположных утверждений, дискуссии и спора [1. С. 463].

Правовые системы многих мусульманских государств основаны или в обязательном порядке включают в себя религиозные нормы, что повышает их устойчивость к внешнему [3. С. 447]. То же можно сказать и о правовой системе Китая, во многом неотделимой от конфуцианства – религии, возникшей на идее наиболее результативного управления своим обществом [3. С. 455].

Представители романо-германской правовой семьи преимущественно формируются в условиях достаточности знания текущей кодифицированной нормативной базы на глубину соответствующего срока давности, а люфт в их исполнении ограничен возможностью толкования чётко определённого набора действующих норм. Давид подтверждает, что при изучении французского права знание истории требуется существенно меньше, чем при изучении английского права [3. С. 252]. Нельзя сказать, что отечественная школа права находится в отрыве от реальности, философии и других социальных наук [8. С. 11, 29, 63], но говорить о постоянном и широком их взаимодействии наравне с англо-американской правовой школой однозначно нельзя.

¹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 1. Под редакцией с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. М., 2008. С. 329.

² Курс международного права. В 7 т. Т. 4. Отрасли международного права. М., 1990. С. 52.

³ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учебник. М., 1997. С. 61.

⁴ Тузмухамедов Б.Р., отв. ред. Международное право: учебник. 4-е изд. перераб. М., 2018. С. 118.

⁵ Список опубликованных правовых актов (Международные договоры РФ). Сайт: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/documents/block/international?index=69&pageSize=30> (дата обращения: 25.03.2026).

⁶ Бекашев К. А. Международное публичное право: учебник. М., 2021. С. 233.

Следует отметить, что при определении своих источников международное публичное право практически полностью совпадает с представленным Берманом перечнем источников англо-американской правовой семьи. Также нельзя не вспомнить о том, что ещё в 1944 году судья М.О. Хадсон признал, что «Современное международное право – это право западного мира» [15. С. 226].

Как тут не согласиться с президентом НИЦ «Курчатовский институт» М.В. Ковальчука, который в своём интервью по случаю 120-летия ТАСС указал на недостаточное умение отечественной управленческой школы в отличие от стран Запада «играть в долгую».

Имеет существенное значение и то, как решён правовой системой государства вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права. Для наиболее влиятельных в международном праве государств этот вопрос не актуален. Длительное формирование английской системы права (в том числе история объединения общего права и права справедливости) доказывает отсутствие на повестке дня данного вопроса и её защищённость от внешнего воздействия [3. С. 271]. Наверное, лучшим примером указанной способности англо-американской школы права является применение ей на протяжении нескольких столетий оговорки о публичном порядке, которая применяется в случае возникновения риска для ущерба интересам нации. Это вытекает из принципа независимости суверена [6. С. 236]. Облегчает её применение и то, что данная правовая система формировалась без разделения на публичное и частное право, а также императивности и диспозитивности нормы⁷ [3. С.278, 341].

Отечественная школа права чуть ли не со времён Мартенса вместо того, чтобы оценивать, насколько равнозначно международное право воздействует на участников международного общения и результаты его применения, сохраняются ли цели права, есть ли преемственность решений преимущественно вела внутренний спор о соотношении международного права и внутригосударственного, а также о приоритете целей в международном праве и концентрировала своё внимание на соответствии «новым объективным процессам», недопустимости преступления через очерченные им «запреты».

И это без учёта известной практики США активно участвовать в разработке международных актов, но самим не ратифицировать их. Это ли не процесс написания правил для других?

Следовательно, необходимо признать и всегда исходить из того, что наиболее влиятельные суверенные участники международных отношений благодаря своим правовым системам исторически имеют возможность обеспечить системность, последовательность и преемственность своей системы управления и политики, минимизировать свои геополитические риски и получить в силу этого конкурентное преимущество. Если государство не в состоянии обеспечить передачу поколениям знаний о своих интересах и рисках, в том числе некритично и неконтролируемо воспринимает новые, формирующие общественное и профессиональное мнение концепции, доктрины и резолюции, то возникает существенный риск неосознанного изменения изначальных целей, критериев успешности и причинения себе вреда. Шпенглер указал: «Тайна всех побед кроется в организации невидимого. Тот, кто в этом смыслит, может, будучи представителем побеждённого, брать верх над победителем.». Он же добавил: «не существует большей противоположности, чем русский и западный» [17. С. 909, 652, 35].

Методы сохранения исторической значимой информации в целях обеспечения государственного управления

Можно предположить, что самым простым способом информационного обеспечения процесса государственного управления и суверенитета является знание и применение истории. О необходимости применения исторического анализа ещё в 18-м веке говорил С.Е. Десницкий [5. С. 149]. Указывали на необходимость применения истории Д.И. Каченовский и Ф.Ф. Мартенс - в 19-м, в 20м - В.Э. Грабарь, И.И. Лукашук.

В.О. Ключевский, изучавший отечественную историю во взаимосвязи с правом, подчёркивал, что функционирование государства обеспечивается «преемством», а памятники права являются «единственно надёжными источниками истории словесий и государства») [7. С. 41, 244]. Он подчёркивал, что изучение исторического процесса имеет научный, воспитательный

⁷ Что не может не отражаться на восприятии фундаментальных принципов международного права *jus cogens*.

и социологический характер [7. С. 33, 38, 56]. Если бы к этому определению была добавлена фраза о предоставлении информации для процесса государственного управления, дипломатии и права, то можно было бы признать определение функционала истории исчерпывающим. Однако это не произошло несмотря на то что отечественную школу права интересовала теория исторического процесса, её взаимосвязь с правом и мышлением общества [14, С. 35, 207, 213]. Ещё Каченовский⁸, а спустя почти сто пятьдесят лет И.И. Лукашук⁹ указывали на низкую результативность применения истории.

Озвученное, имеет многочисленные подтверждения. В советский период прилагались существенные усилия для обеспечения восприятия «в едином знаменателе» основных социальных и правовых явлений. В этих целях при участии наиболее авторитетных авторов и издательств выпускались энциклопедии, словари, единые учебные пособия. Примером могут служить Популярный политический словарь 1922 года; Энциклопедия государства и права 1925 года; Дипломатический словарь 1948 года; Юридический словарь 1953 году; Курс международного права 1967 года; Дипломатический словарь 1971 года; Курс международного права 1986 года. Однако не получилось обеспечить ни преемственность знаний, ни долговременное сохранение их как таковых.

Более того, даже современное законодательство России не оперирует сроками, которыми традиционно мыслит международное публичное право. ФЗ РФ «О стратегическом планировании» устанавливает¹⁰, что для стратегического планирования долгосрочные сроки определяется шестилетним диапазоном. Если для решений в сфере экономики подобные сроки могут быть обоснованными, то в международно-правовом аспекте данные сроки не всегда могут именоваться даже среднесрочными. Необходимо существенно расширить временной диапазон и необходимые для этого методы.

Иным образом функционирует английская школа права. Дайси так описал её взаимосвязь с историей: «В наше время лучше быть обвинённым в ереси, чем быть заподозренным в недостаточно «историческом»

складе ума или в сомнениях насчёт универсального значения исторического метода» [4. С. 17].

Целесообразно вспомнить позицию Рассела, который указывал, что для выживания западной цивилизации необходима постепенная организация всемирной системы образования, предназначенной для формирования лояльности по отношению к мировому государству (западному). По его утверждению, борьба западного мира не должна быть чисто оборонительной, так как неограниченный национальный суверенитет ведёт к опасности. Для этого необходимо переписать все школьные учебники истории, которые должны стать одинаковыми [12. С. 62, 80, 150, 180, 301]. Однако, кто сказал, что эти учебники не могут быть в том числе учебниками по праву и международным отношениям?

Необходимо признать, что знание истории, надлежащая фиксация исторических фактов и даже официальное признание не является гарантией того, что через незначительное с точки зрения истории и международных отношений время всё это не будет забыто или не получит новую трактовку. Следовательно, первоочередным представляется вопрос, как обеспечить преемственность знаний о геополитических рисках, интересах.

Большой функционал присущ такому социальному явлению как «социальная память». Представляется обоснованным его следующее определение – это осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщённого коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире. Хранящиеся в книгах и в других средствах социальной памяти сведения тем или иным путём выдаются для «переписывания» в память индивидов и, следовательно, для использования людьми в их разнообразной деятельности. Эта память – неотъемлемый элемент духовной жизни общества, его общественного

⁸ Каченовский Д. И. Курс международного права. Книга вторая. Харьков, 1863. С. 123.

⁹ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. М., 1997. С. 40.

¹⁰ Федеральный закон от 28.06.2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» // Собрание законодательства РФ, 30.06.2014, №26 (часть I). Ст. 3378.

сознания [19. С. 13]. Однако, очевидно, что «социальная память» во многом имеет стихийный характер и не основана исключительно на властной, руководящей функции государства, в том числе не имеет своим основным предметом право, государственную историю, руководство государством. Более того, в эпоху, когда вследствие развития средств коммуникации государства фактически утратили свою историческую монополию на информационное воздействие на своё население (идеологический суверенитет) она стала подвержена разностороннему информационному воздействию, которое изначально нельзя признавать дружественным. В любом случае, ситуация, когда имеющий стратегическое для государства значения процесс не имеет своего «владельца бизнес-процесса» недопустима, как и сохранение старых методов формирования мировоззрения.

Не может обеспечить необходимый результат и историческая школа права, нацеленная на изучение развития права, в том числе посредством предложенного Савиньи метода научного историзма [18. С. 311], так как её основным предметом являются нормы права, а не достижение необходимого государству результата – состояние общественных отношений в результате управления государственным информацией и формирования мировоззрения и правосознания общества. Отечественная школа права в лице П.И. Новгородцева скорее ограничилась критикой Савиньи, чем созданием прикладных выводов по данному вопросу [9. С. 76, 83, 85]. Метод исторического толкования, под которым подразумевается выяснение смысла нормы в свете исторических условий её принятия¹¹, лишь участвует в узко конкретной оценке предложенного набора юридических фактов.

Можно было бы предположить, что международное признание исторических фактов, необходимости охраны культуры народов и их идентичности, создание профильных международных организаций и нормативных актов решает вопрос. Положения Устава ООН и Устава ЮНЕСКО однозначно говорят о сохранении культурной идентичности народов, сохранении

своеобразия культур, отказе от всякого вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию стран-участников, в том числе в систему образования. Ими же закреплены фундаментальные вехи мировой истории – причины и результаты 2-й мировой войны.

Но затем произошла смена парадигм. В 2009 году ПА ОБСЕ, игнорируя положения статьи 53 Устава ООН, раскрывающие термин «вражеское государство», в нарушение преамбул Устава ООН и Устава ЮНЕСКО, приняла резолюцию «О воссоединении разделённой Европы», перенесла ответственность за развязывание 2-й мировой войны на СССР [10]. Инициативы России о принятии ГА ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма в большинстве случаев не находят поддержки у североатлантических стран¹². Описанная тенденция не единична. Итоговый документ Венской встречи СБСЕ 1986 года предусматривал обязанность участников обеспечивать гармонизацию внутреннего законодательства со своими международно-правовыми обязательствами и поощрять неправительственные организации, интересующиеся вопросами культуры, и создание культурных институтов других государств на своей территории. Документ Копенгагенского совещания конференции СБСЕ 1990 года уже предусматривает обязанность государств-участников развивать свои культурные системы в соответствии с международными стандартами в области прав человека, которые фактически касаются всех областей функционирования государства. Можно считать доказанным, что изначальные нормы международного права фактически изменены и оказались нерезультативными, что, как минимум требует пересмотра Россией отношения к ЮНЕСКО и ОБСЕ.

Следует отметить, что подобная попытка унификация не лишена логики. Невозможно обеспечить у разных государств единое понимание действительности международного права без приведения их к единому знаменателю, то есть к единому восприятию своих интересов. Это обеспечивает унификация культур, методов просветительской деятельности и образования, восприятия истории. Вопрос в том, кто руководит данным процессом, под чью точку зрения должно под-

¹¹ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. М., 1997. С. 207.

¹² О принятии резолюции о борьбе с героизацией нацизма в Третьем комитете 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН /Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сайт: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2059462 (дата обращения: 17.11.2025).

строиться большинство? Хантингтон предупреждает, что потеря государством и нацией своей идентичности влечёт риски для его независимости и самого существования [16. С. 141].

Участники международного общения пошли по пути самостоятельного формирования своих институтов для защиты своей истории и её популяризации. В этих целях в их юрисдикциях приняты нормативные акты, созданы профильные организации. Предметом их интересов являются не только события 2-й мировой войны, но и иные события, которые соответствующие государства считают для себя фундаментальными. Например, в Польше существует Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа; схожие институты – у Эстонии, Украины, ФРГ. В России в целях сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти Указом Президента №817 от 02.11.2023 создан Национальный центр исторической памяти¹³. Очевидно, что заявленная вышеуказанными организациями деятельность не может не касаться вопросов межгосударственного и международного взаимодействия, международного публичного права.

Вопрос сохранения государством своей истории в ещё большей степени находится в зависимости от внутригосударственного законодательства, особенно конституционного и уголовного. Например, статьи 3, 67.1 Конституции России формируют требования к сохранению своей истории и обеспечению преемственности в развитии Российского государства. Действуют ФЗ РФ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», ФЗ РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В целях сохранения отечественной истории и исторического наследия в наши дни в Уголовный кодекс РФ были внесены изменения в части статей 190, 243, 243.1., 243.2., 243.3., 243.4. Идеино связан с ними федеральный закон «О противодействии экстремистской

деятельности»¹⁴, который в статье 5 предусматривает в качестве профилактики экстремистской деятельности воспитательные, пропагандистские меры. В свою очередь, Конституция ФРГ существенно меньше акцентирует внимание на вопросах, связанных с историей, но требует сохранения верности государству – статья 5 очерчивает границы права свободно выражать своё мнение, свободу информации, в том числе свободу преподавания, что неразрывно связано с управлением процессом восприятия своей истории¹⁵.

Можно ли считать, что упомянутые меры по сохранению истории являются достаточными для обеспечения государственного суверенитета? Необходимыми – да, но не исчерпывающе достаточными. Если оценить, как трансформировались соответствующие конституционные положения или уголовное законодательство России, начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в уголовных кодексах 1922, 1926, 1960, 1995 года, то станет очевидно, что нормативное закрепление той или иной нормы права не даёт гарантии её долговременного существования, преемственности, в том числе восприятия истории, сохранения знаний о геополитических рисках, принятых государственных решениях и международных соглашениях.

Следовательно, в результате оценки самостоятельной способности таких институтов и методов социальной регуляции, как социальная память, историческая наука, нормативное регулирование, в том числе методы научного историзма, исторического толкования призванных обеспечивать в исторической перспективе государство надлежащим объёмом ключевой для него информации, выявлен обусловленный их природой недостаточный уровень результативности. Это влечёт критический риск для сохранения государственного суверенитета. Более того, в целях настоящей работы можно утверждать, что вышеуказанные категории должны находиться во взаимосвязи и в совокупности представлять единую систему, пригодную для предоставления государству прикладного результата.

¹³ Указ Президента РФ от 02.11.2023 №817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.11.2023 года № 45. Ст. 8034.

¹⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002 года № 30. Ст. 3031.

¹⁵ Конституции буржуазных государств: Учеб. пособие/ Сост. В.В. Маклаков. М., 1982. С. 172, 194, 225.

Институт исторической памяти как инструмент обеспечения государственного суверенитета

Существует ещё одно социальное явление, существование которого признано даже на законодательном уровне, но не имеющее до сих пор своего определения – это историческая память. Чаще всего «историческая память» упоминается в контексте Великой Отечественной Войны.

При углублённом исследовании вопроса становится очевидным, что в любом государстве к ведению исторической памяти относятся события, их герои и связанные с ними материальные носители, свидетельствующие о войнах, о становлении государства, о территориальных приобретениях и потерях, о религиозных событиях, о достижениях в сфере культуры, науки и производства, о трагических событиях, то есть социальные явления, которые в совокупности напоминают о рисках, возможностях и интересах государства, отражают и формируют идентичность каждого народа и государства, его культуру, следовательно, влияют на его мировоззрение развитие и безопасность.

Кроме того, можно предположить, что исследование вопроса, например, через призму международного публичного права предопределил ответ на поставленный вопрос в контексте целей и задач, которые решает международное публичное право; рассмотрение в контексте внутригосударственного законодательства или только европейской философии о правах индивидуума – даст ответ в соответствующем контексте. Однако любое историческое событие всегда затрагивает большое количество сфер общественной жизни, что не позволяет односторонне оценивать информацию и обуславливает необходимость учитывать максимально большое количество факторов в процессе управления государством, в том числе в сфере международных отношений. Подобный подход соответствует теории менеджмента о процессе сбора исходной информации для принятия решения, в том числе к требованиям риск-менеджмента. Изложенное не позволяет сузить функционал исторической памяти только до вопросов, связанных с войной, и требует, как минимум, комплексно рассматривать в историческом горизонте факторы, влияющие на функционирование государства как во внутренней, так и в международной среде.

К формам сохранения исторической памяти можно отнести: материальные памятники событий и явлений (памятники, зда-

ния, археологические объекты, природные объекты и т.п.); захоронения; произведения искусства: фольклор, литература, картины, кино и т.д.; учебная, научная литература; архивы; нормативные и иные акты, соглашения (внутригосударственные и международные). Справедливость данной классификации подтверждает признанная международным публичным правом необходимость регулирования вопроса принадлежности архивов, то есть контроля за процессом сохранения исторической памяти при правопреемстве государств, а также практика регулирования захоронений на государственном уровне.

Следовательно, историческая память любого народа и государства является его внутренним вопросом, но затрагивающим интересы его контрагентов с иным набором представлений о исторических событиях, которые и принимаются во внимание в толкование истории и норм права. Причём, обычно исторические события неразрывно связаны с прямым конфликтом интересов: война – победивший/проигравший; научное и иное открытие – исключительные права на открытие/право на престиж; географическое открытие – право на территорию, право на полезные ископаемые/независимость и суверенитет; трагическое событие – виновный/потерпевший; свидетельство о помощи – свидетельство о слабости получившего помощь/моральном долге перед спасителем.

Самым значимым предметом ведения исторической памяти является информация о войне. Войны России – это всегда вопрос экзистенциального выживания её народов, то есть поддержание памяти о войне – это фундаментальный вопрос стратегического обеспечения сохранения и благополучия себя, своей семьи, своего народа и государства, задачей которого является не допустить её повторения, а на случай реванша – поддержание того состояния, которое позволяет побеждать, в том числе выстраивать взаимоотношения с бывшими противниками (если они ещё существуют) таким образом, чтобы у них не возникала надежда на реванш, а с другими народами – что бы идея мирного сосуществования у них не имела альтернативы. Важно сохранение всего спектра информации, а не только факта о победе, так как возникает риск самоуспокоения и не основанной на реальности уверенности, что «всегда можем повторить» и, по примеру генерала Кирьякова времён Крымской войны, закидать противника шапками. Ключевым

является знание мотивов противоборствующих сторон, причин победы своей страны, в том числе отношения военного поколения к связанным с войной событиям, их духовного и идеологического уровня. Кроме того, можно признать за аксиому и закон жизни тот факт, что проще и дольше всего сохраняется память у перенёсшего экзистенциальную трагедию и победившего народа, чем у того народа, который был источником трагедии.

Следовательно, природа исторической памяти предполагает на долговременной основе сохранение и предоставление всей информации, необходимой для сохранения и благополучного функционирования конкретного государства, которая применяется в целях управления им и его международными отношениями, что находит своё отражение в искусстве, образовании, законодательстве и иных функциональных сферах государства. В силу указанных причин именно к функционалу исторической памяти можно отнести сохранение и предоставление исторических, юридических фактов, сведений о мотивах, целях, задачах, государственных и стратегических решениях, обеспечение необходимой единой информацией законодательного процесса, международного нормотворчества и взаимодействия.

Наличие властного фактора в данном процессе, необходимость управления и защиты информации позволяет утверждать, что категории «социальной памяти» и «метод исторического толкования», «историческая школа права» носят подчинённый характер по отношению к «исторической памяти», а присущий ей функционал позволяет говорить именно об «институте государственной исторической памяти», который включает в себя все ранее упомянутые методы социальной регуляции и является фундаментальным элементом государственной правовой системы. Институт исторической памяти не может не быть неразрывно связанным с существованием концепции государства как политико-управляющей системы, а также нормативно-функциональной трактовкой государства [13. С. 26].

Целесообразно определить институт исторической памяти следующим образом – это ключевой элемент правовой системы государства, необходимый для обеспечения непрерывного, последовательного и преемственного процесса принятия

и исполнения государственных решений в целях сохранения, безопасности, конкурентоспособности и благополучия своих граждан, ответственный за формирование и долговременное сохранение социальной и индивидуальной памяти об исторически значимом с точки зрения государства событии, а также формирование на её основе общественного мнения, мировоззрения, иных явлений культуры и методов (видов) социальной регуляции.

Большой объём информации предопределяет возможность обеспечить процесс сохранения исторической памяти только институциональными методами, совместными усилиями представителями разных социальных наук, имеющих одинаковую цель, но выполняющих разные функциональные обязанности и задачи. Обоснованность указанного комплексного подхода обусловлена также необходимостью улучшения согласования международного права и дипломатии, политики, на которую указывал Лукашук, относя к функционалу юристов миссию по решению данной проблемы¹⁶. С другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что в современной лексике именно дипломаты и политики с точки зрения теории управления являются владельцами основного и управляющего «бизнес-процессов» в сфере международных отношений, что делает необходимым при решении данного вопроса в первую очередь отталкиваться от сформировавшихся у них запросов, исторически существующих интересов и геополитических рисков [8. С. 28].

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного можно утверждать, что именно природе института исторической памяти соответствуют функции по комплексному и долговременному обеспечению знаний и информации в целях обеспечения процесса государственного управления и международного общения, без чего сохранение государственного суверенитета невозможно. Продвижение своей точки зрения на историю является предметом конфликта интересов участников международного общения, что обуславливает необходимость разработки методов и проведения мероприятий по её постоянной защите, сохранению ключевой

¹⁶ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. М., 1997. С. 33.

информации и формированию основанного на ней общественного мнения, правовой позиции, государственных решений.

Создание вышеуказанного постоянно действующего механизма управления информацией как элемента государственной правовой системы и системы управления, обеспечение его руководящего взаимодействия с остальными видами социальной регуляции и памяти, в том числе необходимость его применения на этапе право-реализации, выражающегося в процессах внутригосударственного законодательства и международного нормотворчества, а также в процессе правоприменения требует проведения следующих не исчерпывающих первоочередных, мероприятий:

Внесение изменений в федеральный закон «О безопасности»¹⁷, федеральный закон «О стратегическом планировании в РФ», федеральный закон «О международных договорах РФ»¹⁸, федеральный закон «Об обязательных требованиях в РФ»¹⁹, объясняющих и популяризирующих ценность и функционал таких социальных институтов как «государство», «государственный суверенитет», «правовая система», «историческая память», в том числе закрепляющих основные цели и принципы государства в процессе международного нормотворчества

и внутригосударственного законодательства.

Необходимо закрепление указанными нормативными актами принципов целостности, непрерывности, последовательности, преемственности (в том числе уважения исторических решений), историзма и применения риск-ориентированного подхода при осуществлении процесса государственного управления.

Установление на нормативном уровне полномочного «владельца бизнес-процесса» всесторонней координации и сохранения исторической памяти (центр компетенций и знаний), наделение его правом участия в процессах право-реализации, правоприменения, в том числе в международной сфере.

Формирование комплекса социально-философских концепций и политико-правовых доктрин, определяющих процесс сохранения исторической памяти и государственного суверенитета, в том числе в процессе законодательства и международного нормотворчества, создание единой системы управления библиотечным фондом, издание труднодоступных трудов отечественных и иностранных правоведов всех эпох, а также современных научных работ в социальной сфере, издание общих и специализированных учебных и справочных пособий.

Литература:

1. Берман Г., Грейнер У., Салиба С. Природа и функции права. Москва; Челябинск, 2022.
2. Горбунов В.Е. Государственный суверенитет как неизвестная переменная в международном праве // Сборник статей по итогам Четвёртой Всероссийской научн. конф. курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов и соискателей / Под ред. В. А. Илюхиной. М., 2025.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967.
4. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. М., 1907.
5. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647 – 1917). М., 1958.
6. Корецкий В.М. Избранные труды. В 2 кн. Кн. 1. Киев, 1989.
7. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987.
8. Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. М., 1975.
9. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999.
10. Палухина Е.С. Политика исторической памяти в странах ЕС: смена парадигмы или банальная фальсификация истории? // Философия права. 2023. № 2 (105).
11. Полковников А.В., Дубовик М.Ф. Управление проектами. Полный курс МВА. М., 2018.

¹⁷ Федеральный закон от 28.12.2010 №390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011 № 1. Ст. 2.

¹⁸ Федеральный закон от 15.07.1995 №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 17.07.1995 № 29. Ст. 2757.

¹⁹ Федеральный закон от 31.07.2020 №247-ФЗ «Об обязательных требованиях в РФ» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020 №31 (часть I). Ст. 5006.

12. Рассел Бертран. Философский словарь разума, материи и морали. Киев, 1996.
13. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М., 2007.
14. Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. Издание третье (Исправленное и значительно дополненное). М., 1919.
15. Хадсон М.О. Международные суды в прошлом и будущем. М., 1947.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2024.
17. Шпенглер О. Закат западного мира: очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе. М., 2021.
18. Энциклопедия государства и права. Т. II. // Под ред. Стучки П. М., 1925–26.
19. Юридические формы переживания истории: практика и пределы: колл. Монография // Под ред. Бочкарева С.В. СПб., 2020.

HISTORICAL MEMORY AND THE PROBLEM OF ENSURING STATE SOVEREIGNTY: AN INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Introduction. *This article explores the relationship between historical memory and the issue of ensuring state sovereignty. The subject of the study is international and domestic legal acts, socio-philosophical concepts, and political and legal doctrines, as well as social and legal categories such as historical memory, social memory, the historical school of law, and the process of making public and strategic decisions. The purpose of the study is to identify the role of the institution of historical memory in ensuring state sovereignty, including in strategic decision-making and state governance.*

Materials and methods. *The article examined the works of domestic and foreign authors. Particular emphasis was placed on materials published significantly in antiquity, as the information they contain allows for correlating it with historical events and assessing its accuracy. Of particular interest is academic literature on public international law, as it has exerted the greatest influence. Materials from disciplines related to jurisprudence – philosophy, diplomacy, political science, and general management theory – were used. The methodological basis was formed by the following general scientific and specialized methods: descriptive, historical, systems analysis, comparison, modeling, and scientific induction.*

Research results. *This study has defined the institution of historical memory and state sovereignty; substantiated their importance for the process of*

state information management, ensuring the long-term ability of the state to make and implement its decisions, take into account strategic risks, opportunities and maintain its competitiveness in the international arena, and also proved the need for their protection by political and legal methods.

Discussion and conclusion. *The functioning of states and international relations are characterized by the virtual immutability of their main participants, their duration, and their subjectivity. This necessitates the continuous provision of a state information management system with information about both its own and third-party interests, risks, and opportunities, both at the level of law enforcement and law enforcement. This state capacity is inseparable from the institution of state sovereignty. Each state, taking into account its specific circumstances, independently creates an appropriate center of expertise and knowledge for these purposes. The institution of historical memory is primarily characterized by the above-mentioned functions, making it an essential tool for ensuring the process of public administration and state sovereignty.*

Vladimir E. Gorbunov,
Postgraduate Student, Department
of International Law, Russian State
Pedagogical University named after
A.I. Herzen, Saint Petersburg, Russia

Ключевые слова:

историческая память, социальная память, метод исторического толкования, юридический факт, историческая школа права, источники права, государственный суверенитет, общественное мнение, толкование норм международного права, управление и право, теория менеджмента, правовая система, правореализация и правоприменение, международное нормотворчество

Keywords:

historical memory, social memory, method of historical interpretation, legal fact, historical school of law, sources of law, state sovereignty, public opinion, interpretation of international law, governance and law, management theory, legal system, law enforcement and law application, international rule-making

References:

1. Berman G., Grejner U., Saliba S., 2022. Priroda i funkcii prava [The Nature and Functions of Law]. Moscow; Chelyabinsk.
2. Gorbunov V. E., 2025. Gosudarstvennyj suverenitet kak neizvestnaya peremennaya v mezhdunarodnom prave [State Sovereignty as an Unknown Variable in International Law]. *Sb. st. po itogam Chetvyortoj Vserossijskoj nauchn. konf. kursantov, studentov, ad"yunktov, aspirantov i soiskatelej / Pod red. V. A. Ilyuhinoy* [Articles Based on the Results of the Fourth All-Russian Scientific Conf. of cadets, students, adjuncts, postgraduate students, and applicants]. Ed. by V. A. Ilyukhina. Moscow.
3. David R., 1967. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (sravnitel'noe pravo) [The Main Legal Systems of Our Time (Comparative Law)]. Moscow.
4. Dicey A.V., 1907. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie anglijskoj konstitucii [Fundamentals of Public Law of England. Introduction to the Study of the English Constitution]. Moscow.
5. Grabar V.E., 1958. Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647 – 1917) [Materials for the History of the Literature of International Law in Russia (1647–1917)]. Moscow.
6. Koretsky V.M., 1989. Izbrannye trudy. v 2 kn. Kn. 1. [Selected Works. in 2 books. Book 1]. Kyiv.
7. Klyuchevsky V.O., 1987. Sochineniya v 9-ti t. T. I. Kurs russkoj istorii. Ch. I. [Works in 9 volumes. Vol. I. Course of Russian History. Part I]. Moscow.
8. Lukashuk I.I., 1975. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie mezhdunarodnyh otnoshenij [International Legal Regulation of International Relations]. Moscow.
9. Novgorodtsev P.I., 1999. Istoricheskaya shkola yuristov [Historical School of Lawyers]. Saint Petersburg.
10. Palukhina E.S., 2023. Politika istoricheskoy pamyati v stranah ES: smena paradigmy ili banal'naya fal'sifikaciya istorii? [Politics of Historical Memory in the EU Countries: Paradigm Shift or Banal Falsification of History?]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. No. 2 (105).
11. Polkovnikov A.V., Dubovik M.F., 2018. Upravlenie proektami. Polnyj kurs MVA [Project Management. Full MBA Course]. Moscow.
12. Russell Bertran, 1996. Filosofskij slovar' razuma, materii i morali [Philosophical Dictionary of Mind, Matter, and Morals]. Kyiv.
13. Tikhomirov Yu.A., 2007. Upravlenie na osnove prava [Management Based on Law]. Moscow.
14. Khvostov V.M., 1919. Teoriya istoricheskago processa. Ocherki po filosofii i metodologii istorii. Kurs" lekcij. Izdanie tret'e (Ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe) [Theory of the Historical Process. Essays on the Philosophy and Methodology of History. A Course of Lectures. Third Edition (Revised and Significantly Supplemented)]. Moscow.
15. Hudson M.O., 1947. Mezhdunarodnye sudy v proshlom i budushchem [International Courts Past and Future]. Moscow.
16. Huntington S., 2024. Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. Moscow.
17. Spengler O., 2021. Zakat zapadnogo mira: ocherki morfologii mirovoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome [The Decline of the Western World: Essays on the Morphology of World History. Complete edition in one volume]. Moscow.
18. Ehnciklopediya gosudarstva i prava. T. II. pod red. Stuchka P., 1925–26. [Encyclopedia of State and Law. Vol. II. Edited by P. Stuchka]. Moscow.
19. Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktika i predely: koll. monografiya. Pod red. Bochkareva S.V., 2020. [Legal Forms of Experiencing History: Practice and Limits: Collective Monograph]. Ed. by S.V. Bochkarev. Saint Petersburg.